

нов с мордовским или марийским населением».

Неубедительными представляются толкования гидронимов на *-вож* (с вариантами). *Яреньга*, связываемого автором с фин. *järvi* 'озеро', *Вилядь*, сравниваемого с фин. *vilja* 'хлеб', *Вонга*, *Канза*, *Нянда* и других, также сопоставляемых диссертантом с прибалтийско-финскими словами. Б. А. Серебrenников заключает, что расшифровка топонимов и гидронимов с помощью прибалтийско-финских языков совершенно не убедительна.

Не согласен Б. А. Серебrenников с этимологиями ряда других топонимов и гидронимов, предлагаемых диссертантом.

По мнению Л. И. Калининой, не все этимологизированные из хантынского языка топонимы объяснены верно. Так, гидроним *Угдым*, *Уктым* А. И. Туркин связывает с хант. *йх* 'голова', манс. *о́х*, *а́х* 'гора'; вторая часть остается невыясненной. Л. И. Калинина считает, что лучше сопоставить это название с хант. *эхэт*, *охэт*, *ихэт* (диалектные варианты) 'перешеек между двумя речками, по которому пере-

таскивают лодки; волок, перекат'; Она указывает на широкое распространение этого слова в хантынской топонимии: д. *Угут*, р. *Рыт-охтынг-йыгай*, д. *Охтынурье-пугол*, д. *Охтиурьевские*, д. *Охтурские*, д. *Огот-юганкурт* и т. д. Л. И. Калинина предполагает, что гидроним можно объяснить как причастие на *-м* (*урэта* 'перетаскиваться'). В названиях урочища *Ембок* и рек *Емба*, *Емваль* автор диссертации переводит первый компонент *ем* 'хороший, здоровый', по мнению оппонента, вернее 'священный; святой'. Религиозные термины, как отмечает Л. И. Калинина, довольно часто встречаются в хантынских топонимах, в том числе и компонент *ем*. Сомнительными кажутся ей этимологии некоторых слов, объясненные диссертантом из коми языка, например: *Донашеры*, *Уनावож*, *Юрчаково* и некоторых других.

Несмотря на отдельные недочеты, работа А. И. Туркина имеет большое научное значение.

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Москва)

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.1.12>

Т. И. Жилина, В. А. Сорвачева, Образцы коми-зырянской речи [Под редакцией Д. А. Тимушева], Сыктывкар 1971. 312 стр.

В книге приводятся тексты на 10 коми-зырянских диалектах: нижневычегодском, присыктывкарском, верхневычегодском, среднесысольском, верхнесысольском, лузско-летском, вымском, удорском (вашко-мезенском), ижемском и печорском. Большая часть материала взята из фольклора и хорошо отражает диалектную речь. Редактором Д. А. Тимушевым дан перевод на русский язык, сделанный с ориентацией на сохранение художественных достоинств коми оригинала, как это обычно делают фольклористы.

Тексты паспортизированы, т. е. указано, от кого, когда и где они записаны. Большая часть текстов записана авторами рецензируемой книги. Разделы по присыктывкарскому, верхнесысольскому, лузско-летскому и вымскому диалектам составлены Т. И. Жилиной, остальные — В. А. Сорвачевой.

Материал расположен по диалектам; каждый диалект составляет особый раз-

дел книги. Разделы начинаются с характеристики диалекта, которая дана кратко и умело; хорошо отмечены основные особенности диалекта. В начале книги приводится общая характеристика коми-зырянских диалектов. Нельзя считать удачным подразделение коми-зырянских диалектов на южные и северные; к южным относятся среднесысольский и верхнесысольский, а к северным — нижневычегодский, вымский, удорский и ижемский; верхневычегодский и печорский диалекты считаются вновь образовавшимися. В отношении печорского диалекта это верно, но верхневычегодский диалект образовался не намного позже ижемского (а последний авторы книги относят к «старым» диалектам). Лузский диалект, по мнению авторов, совмещает черты северного и южного диалектов. Это неверно: лузско-летский имеет свою специфику в фонетике, грамматике и лексике, отличающую его как от «северных», так и от «южных»

диалектов. Неверно и то, что в южных диалектах (в том числе и среднесольском) не употребляются вставочные звуки. Даже в приведенных текстах мы встречаем слова с вставочными звуками, например: *синжѡ* (стр. 120) 'мон глаза', *мѡскыс* (стр. 121) 'корова-то', *чѡдѡыд* (стр. 128) 'черника-то' и т. д. В словаре Д. Р. Фокоша-Фукса (D. R. Fokos-Fuchs, *Syrjänisches Wörterbuch*, Budapest 1959) мы читаем слова среднесольского диалекта: *vorjís* 'из корыта', *vužjís* 'из корня', *gezjís* 'из веревки', *gižjís* 'из ногтя', *bordjís* 'из крыла' и т. д. Эти вставочные звуки в общем и целом встречаются в тех же словах, что и в северных диалектах.

Переводы на русский язык «в меру возможности ориентированы на близость к оригиналу» (стр. 3). Однако это не совсем так — в переводе текстов допущено много вольностей и неточностей, которые мешают осмысливанию коми слов, необходимому для языковеда. Эти погрешности объясняются или незнанием переводчиком соответствующей литературы, или стремлением к стилизации, например: *чужан му* 'родные места' вместо 'родная земля' или 'родной край' (стр. 145—147), *гажаджык* 'краше' вместо 'веселее' (там же), *чужмер нылэй, чабанэй* 'девица-горноста́й', а *чабан* никак не переведено (стр. 93—94); в другом месте *чабан* переведено 'милая', что совершенно не соответствует действительности (стр. 63—64); *кѡч йѡктѡ, йѡктѡ* 'прыгает, скачет ... зайка' вместо 'заяц пляшет, пляшет' (стр. 71—72) и т. д.

Тексты следовало бы снабдить комментарием, уточняющим коми материал. Точный смысл подаваемого материала — это элементарное требование языковедов. Честь и хвала переводчику, давшему художественно адекватный перевод, но это, разумеется, не все, что требуется от переводчика диалектных текстов, представляющих собой прежде всего материал лингвистического характера. Нельзя обвинять переводчика в тех случаях, когда в его распоряжении не было этимологических данных, а в фольклоре встречается немало слов, происхождение которых до последнего времени было неясным.

Приведем здесь этимологии нескольких слов, отсутствующих в настоящее время

в разговорном коми языке и встречающихся только в фольклоре.

Стрѡй передано по-русски 'Строй' с заглавной буквы, как собственное имя (стр. 28—29); между тем это слово является древнерусским заимствованием, обозначавшим 'дядю по отцу', древнерус. *стрый* или *строй* (этимологию этого слова см.: Ученые записки Рязанского пединститута, вып. 10, Рязань 1955, стр. 195—197).

палаузь оставлено без перевода со сноской: «Значение слова не совсем ясное, и мы оставляем его без перевода» (стр. 33—34); в другом месте это слово (*пала узь*) переведено 'малахай' (стр. 228—229); между тем этимология его имеется в «Кратком этимологическом словаре» В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева (Москва 1970); слово имеет значение 'шляпа (букв.: широкополая шапка, широкополая головной убор)', ср. *узь* 'шапка суслона'.

нѣримѡ дядѡ — персонаж одной сказки об обманщике-стяжателе (в рецензируемой книге приведен искаженный вариант — *Дзоримов*); это имя, несомненно, имеет отношение к словам: *нѣрны* 'наклоняться, прислоняться, покоситься, искривиться' и т. д., *нѣрѡм, нѣрма* и т. д. 'наклонный, кривой, искривленный' и т. д., *нѣримѡ* первоначально означало 'криводушный, обманщик'.

В одной коми народной песне есть выражение *чужмер нылэй, чабанэй* (стр. 93), в котором последнее слово (*чаб-ан-эй*) не имеет смысла; следует сопоставить его с удм. *чабей* 'пшеница', коми *-ан* — уменьшительно-ласкательный суффикс, *-эй* — окончание вокатива; в целом этот зачин песни дает такой смысл: 'девушка-горноста́й, моя пшеничка' (коми *шобдѡ* 'пшеница' нередко употребляется в качестве эпитета для выражения нежности, ласки, например: *шобдѡ гѡлѡс* 'пшеничный голос', т. е. 'звучный, чистый, нежный').

В старинной и совершенно самобытной коми сказке «Руч да чокыр» (Лиса и мурин) употребляется слово *чадѡ*; в рецензируемой книге оно переводится 'малец, малый' (стр. 10—12). Вероятно, переводчик это слово осмысливает от рус. *чадо* 'дитя'. Между тем в других вариантах этой сказки вместо *чадѡ* употребляется *пан* 'жрец, владыка' (в памятниках XVIII в.), *туч* 'знахарь, колдун', *ѡксы*

'князь'¹ — словом, какое-то 'начальствующее лицо, главарь'; лиса посылает к нему мерина за ножом. Перевод *чадõ* словом 'малый, малец' совсем не подходит по смыслу — владельцем ножа не мог быть какой-то малец, а таковым должно было быть знатное лицо, должностная особа. Этому слову можно дать следующую этимологию. В *чад-õ* конечный *-õ* является субстантивирующим суффиксом, суффиксом «лица», ср. *кыс-кыс* — подзывной клич кошке, *кысõ* детск. 'кошка, киса'; *чиб-чиб* — подзывной клич жеребенку, *чибõ* детск. 'жеребенок, лошадь' и т. д. Корень слова *чад-* следует сопоставить с эрз. *чандо* этн. 'денежный выкуп (ранее — при свадебных обрядах)' (М. Н. Колыденков, Н. Ф. Цыганов, Эрзянско-русский словарь, Москва 1949). Эрзянское слово сопоставляется с прибалтийско-финскими словами: фин. *hinta*, кар. *hinda*, вепс., эст. *hind*, лив. *inda* (FUF

XX 1929, стр. 84; FUF XXIX 1946, стр. 301; SKES I).

Кроме значения 'деньги', рассматриваемое слово имеет семантику 'достоинство, почет'. Коми фольклорное *чадõ* (? < обшперм. **čad-*) могло означать 'почетное (лицо); жрец' или 'воевода, князь'. Сопоставление коми слова с мордовским и прибалтийско-финскими словами не встречает затруднений фонетического характера. Стало быть, оно восходит к пермско-финскому периоду.

Мы ограничимся рассмотрением этих слов, встречающихся в коми фольклоре. В произведениях народной словесности имеется немало слов, не дающих в современном языке смысла, например, названия таких персонажей детских сказок, как *руй*, *дуда*, *лень* и др., которым до сих пор нет удовлетворительной этимологии.

В целом рецензируемая книга является весьма полезной, она может служить прекрасным учебным пособием для студентов, изучающих коми-зырянские диалекты.

В. И. ЛЫТКИН (Москва)

¹ См. Г. С. Лыткин, Зырянский край, Санкт-Петербург 1889, стр. 163.

Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970. 288 стр.

Монография Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» посвящена языку этнической группы, происхождение которой до сих пор для науки оставалось загадочным, а язык не подвергался специальному изучению.

Автор ставит своей целью дать полное описание живой речи бесермян и по возможности найти объяснение возникновению специфических языковых явлений этой своеобразной этнической группы, проживающей в тесном контакте с удмуртским народом. Кроме того, в работе делается попытка на основе анализа языковых материалов объяснить проблему происхождения бесермян.

До сих пор изучением бесермянской этнической группы занимались этнографы и антропологи, оставляя без внимания языковые особенности живой речи бесермян. Издание монографической работы «Язык бесермян» удачно восполняет этот пробел. В книге впервые дается обобщенное описание этого диалекта удмуртского языка в сравнении с другими.

В данной книге рассматривается фонетический и морфологический строй бесермянского диалекта на основе огромного материала, собранного автором в течение многих лет на территории проживания его носителей (Удмуртская АССР и Кировская область).

Непосредственному анализу языковых материалов предпослан обзор литературы, посвященной проблеме происхождения бесермян. Тщательно изучив исторические документы, хранящиеся в различных архивах нашей страны, автор знакомит читателя с местами проживания этой народности со времени упоминания ее в литературе (конец XIV в.) и с ее современным расселением.

В главе «Фонетика» дан анализ основных вопросов фонетического строя бесермянского диалекта, что особенно важно для понимания и освещения вопросов истории удмуртского языка. При синхронном описании звуковой системы в целом ряде случаев Т. И. Тепляшина прибегает к историческим экскурсам, привлекая язы-